

ПОИСК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ОЦЕНКАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Е. Ю. Прокофьева

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
308015, ул. Победы, 85, Белгород, Россия

Аннотация. Минуло столетие после начала трагических событий кровопролитной Гражданской войны в России, которая коренным образом повлияла не только на страну, но и в заметной степени на весь мир. Очевидно, что не скоро прекратятся дискуссии историков и представителей смежных дисциплин по различным аспектам истории Гражданской войны; при этом ряд лакун ещё только предстоит заполнить. К настоящему времени не вполне сложился консенсус и относительно трактовки основных вопросов истории Гражданской войны в России и её значения. В данной работе представлено мнение Елены Юрьевны Прокофьевой – кандидата исторических наук, профессора кафедры российской истории и документоведения историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») – о трансформации термина «гражданская война» в контексте травматичных событий 1917–1922 гг. в России, причинах несостоятельности «третьей силы» в ходе острого гражданского противостояния, периодизации и по иным аспектам истории Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война в России, начало XX века, дискуссии историков.

Copyright: © 2018 Прокофьева. Данная работа публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: Е. Ю. Прокофьева, НИУ «БелГУ», историко-филологический факультет. 308015, ул. Победы, 85, Белгород, Россия. E-mail: [prokofievaeu\[at\]mail.ru](mailto:prokofievaeu[at]mail.ru)

THE SEARCH FOR HISTORICAL CONTINUITY IN THE ASSESSMENT OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

E. Iu. Prokofieva

Belgorod National Research University
308015, Pobedy st. 85, Belgorod, Russia
E-mail: [prokofievaeu\[at\]mail.ru](mailto:prokofievaeu[at]mail.ru)

Abstract. A century has passed since the beginning of the tragic events of the deadly Civil War in Russia in the early twentieth century, which not only dramatically changed the country, but also affected (albeit to a lesser degree) nearly all regions of the world. It is obvious that the debates among historians and scholars of neighboring disciplines on various aspects of the Civil War will not be resolved any time soon, and that many lacuna within this study remain to be filled in. We still lack a consensus on the answers to fundamental questions in the history of the Russian Civil War and its meaning. This work presents the views of Elena Iur'evna Prokofieva – Candidate of Science (History), Professor in the Russian History and Public Records Department at the Belgorod National Research University – regarding several key aspects of the Civil War, including the transformation of the term “civil war” in the context of the traumatic developments of 1917–1922 (there are also other variants of their chronology), the reasons why the “third force” became insolvent over the course of this acute civil conflict, and the conflict’s periodization.

Keywords: Civil War in Russia, early twentieth century, debates among historians.

1. Трансформация сущности понятия «гражданская война» в России: от ленинского определения до современных трактовок

Единой точки зрения на определение сущности понятия «гражданская война» нет не только в современной историографии, но ее не было и среди большевистских лидеров. Так, общеизвестна ленинская оценка понимания сущности гражданской войны как **высшей формы классовой борьбы**, которая представляет собой вооруженную борьбу за государственную власть между классами и социальными группами внутри одного государства. Однако ему в определенной степени оппонировал Л. Д. Троцкий, который считал, что «... Гражданская война представляет **определенный этап классовой борьбы** [выделено мною – Е. П.], когда эта последняя прорывает рамки легальности и переходит в плоскость открытого, и, до известной степени, физического соразмерения сил. В этом истолковании гражданская война охватывает и стихийные восстания по частным поводам, и кровавые выступления контрреволюционных банд, и революционную всеобщую стачку, и вооруженные восстания во имя захвата власти, и период подавления попыток контрреволюционного восстания. Все это входит в рамки понятия гражданской войны, **все это шире вооруженного восстания и все-таки уже понятия классовой борьбы** [выделено мною – Е. П.], которая проходит через всю историю...» (Троцкий 1924, с. 10).

Несмотря на разногласия среди большевистских теоретиков в определении сущности понятия «гражданская война», изначально (в 1920-е годы) в советской историографии существовало мнение о том, что сама революция по своему существу являлась Гражданской войной, поскольку борьба за власть в ходе ее осуществления принимала вооруженный характер, и само насильственное свержение старой власти в ходе революции квалифицировалась ими как форма Гражданской войны (см. *Гражданская война в России* 1994, с. 43–44).

В 1930-е годы в условиях «наступления социализма по всему фронту» и репрессивной политики сталинского руководства связь между захватом власти большевиками и Гражданской войной была «разорвана». Период с октября 1917 по февраль 1918 гг. стал представляться в исторической литературе как «триумфальное шествие советской власти», завершившее победу Октябрьской революции в России, а начало Гражданской войны – с восстанием Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. Это позволяло обвинить в развязывании Гражданской войны и трагических потерях Советской России исключительно Антанту и внутренние антибольшевистские силы.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. никогда не прекращавшиеся среди профессиональных историков и политологов дискуссии по расширению и уточнению понятия «гражданская война» возобновились с новой силой, в том числе и потому, что, как справедливо отметил Ю. И. Игрицкий, после череды различных гражданских конфликтов, которыми изобиловала история последней четверти XX столетия, «... конец XX века высвечивает во многом по-новому место гражданских войн в общественном развитии» (1994, с. 55).

В современной российской историографии общее определение Гражданской войны существенно расширено. Так, Л. А. Можаяева определяет Гражданскую войну как «закономерное порождение общенационального революционного кризиса и глубокого раскола общества, многогранный и противоречивый общественный перелом, имевший многоплановые долгосрочные последствия для развития нашей страны и не только её» (Данилин, Евсеева, Карпенко 2003, с. 55). С этим определением соглашается Ю. А. Поляков, хотя и в более развернутой трактовке. Он считает, что Гражданская война в России – это «длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, прошедшая при активном вмешательстве иностранных сил различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» (Поляков 1994, с. 43). Дискуссии по данному вопросу продолжаются.

2. Начало и завершение Гражданской войны: проблемы периодизации

Современные научные представления о Гражданской войне в России основаны на результатах её изучения несколькими поколениями отечественных исследователей. Разумеется, эволюционировало и представление о периодизации Гражданской войны.

В отечественной историографии 1920-х годов Гражданская война, прежде всего с подачи В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, рассматривалась как непосредственное продолжение Октябрьского переворота 1917 г. Исходя из анализа высказываний и работ Ленина и Троцкого, историки, участники и даже очевидцы событий, изучавшие этот период, искали источники поражений или побед «красных» и «белых» в соотношении классовых сил внутри и за пределами России. Один из главных выводов, сделанный исследователями в эти годы, состоит в том, что временную поддержку белому движению оказывала

колеблющаяся масса среднего крестьянства, включая казачество, а также интервенция Антанты. При этом интервенты преследовали в первую очередь свои корыстные цели и белому движению помогали постольку, поскольку это отвечало интересам альянса.

В 1930-е годы периодизация Гражданской войны была «скорректирована» сталинским руководством. Теперь начало Гражданской войны отодвигалось на май 1918 г. (когда началось вооруженное выступление Чехословацкого корпуса). Период же с октября 1917 по весну 1918 гг. трактовался как «триумфальное шествие советской власти», которое завершило победу Октябрьской революции на большей части территории России. Это позволяло обвинить белое движение и Антанту в развязывании Гражданской войны и катастрофических потерях Советской России, понесенных в ходе войны, а также в «вынужденном» введении политики «военного коммунизма». В этом контексте история Гражданской войны сводилась, по существу, к победам Красной Армии на фронтах, то есть – к разгрому «трёх объединенных и комбинированных походов Антанты» на советское государство. Многие социально-экономические, политические (и иные) процессы были упрощены или полностью выхолащены.

В годы «холодной войны» внимание советских историков было сфокусировано на иностранной военной интервенции и роли Антанты и, в частности, США как главном враге большевистской России, основным виновнике развязывания столь ширококомасштабной Гражданской войны в стране. Действия Франции и Великобритании характеризовались как последствия диктата Соединённых Штатов. Интересно, что в ряде изданий «сталинского периода» 1918–1920 годы характеризовались даже как «Отечественная война советского народа против интервентов и белогвардейцев». (Карпенко 2004, с. 24).

В конце 1980-х – 1990-е годы в связи с коренными переменами в обществе, распадом СССР и обострением социально-экономической и политической напряженности на постсоветском пространстве и внутри РФ, перераставшей при слабости центральной власти в вооруженные конфликты, усилилась научная и общественная значимость переосмысления Гражданской войны на основе более глубокого изучения истории. Особое внимание в эти годы уделялось идеологии и политике большевизма, которые были объявлены «главным фактором» возникновения и разворачивания трагических событий Гражданской войны в России. Следует отметить, что исследования конца 1980-х – 1990-х годов, в которых изобличается «идеологическая ангажированность» советских историков (в том числе в силу идеологических установок своего времени на всеобъемлющую критику советского строя), и в научном отношении, и даже в фактической достоверности оставляют желать много лучшего.

А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеева и С. В. Карпенко справедливо отмечают, что для понимания закономерностей хода Гражданской войны в основу периодизации целесообразно положить те «переломные моменты», когда в силу разнообразных причин резко и быстро менялось соотношение политических сил (2003, с. 56). Первым таким «переломным моментом» стал насильственный захват государственной власти большевиками 25-26 октября 1917 г., давший толчок к формированию белого движения. В ходе всей войны победы и поражения (независимо от числа фронтов и численности участников) определялись именно соотношением сил «красных» и «белых». А это, в

свою очередь, напрямую зависело от экономических ресурсов, от массовости социальной опоры, от помощи зарубежных союзников и пр. Следующими не менее значимыми «переломными моментами», по вполне обоснованному мнению Ю. И. Игрицкого, стали: разгон большевиками Учредительного собрания, заключение «похабного» Брест-Литовского мира, и введение продразверстки в деревне (1994, с. 61).

В соответствии с вышеизложенным хронологию Гражданской войны можно представить в следующем виде:

В первый период Гражданской войны (ноябрь 1917 – февраль 1918 гг.) относительно быстро и легко установилась советская власть, и было подавлено очаговое сопротивление антибольшевистских сил под Петроградом, в Москве, на Украине, на Дону, Кубани и т.д.

Второй период (март–ноябрь 1918 г.) характеризуется коренным изменением соотношения социальных сил внутри страны, что явилось прямым результатом политики большевиков во главе с В. И. Лениным (подписание Брест-Литовского договора, введение хлебной монополии, создание комбелов, принятие декрета о «красном терроре» и др.).

В третий период (ноябрь 1918 – март 1919 гг.) происходит обострение Гражданской войны в России и расширение иностранной военной интервенции. Этому в значительной степени способствовало введение в январе 1919 г. продовольственной разверстки, а также капитуляция Германии и её союзников, что повлекло за собой революционные события в Германии и распад Австро-Венгрии. Это, в свою очередь, дало Антанте возможность существенно активизировать интервенцию на территории России.

Четвертый период (март 1919 – март 1920 гг.) характеризуется развертыванием наиболее масштабных боевых действий на фронтах Гражданской войны. В это время произошли коренные изменения в расстановке сил внутри России («союз» со средним крестьянством) и за ее пределами (Баварская, Венгерская, Словацкая советские республики), предопределившие поражение «белых» и победу «красных».

Пятый период (апрель–ноябрь 1920 г.) включает в себя военные действия против «белополяков» и ликвидацию остатков ВСЮР на юге России.

Шестой период Гражданской войны (декабрь 1920 – октябрь 1922 гг.) является завершающим. В эти годы идёт, с одной стороны, наиболее масштабная борьба большевистской диктатуры с народным, в основе крестьянским, «повстанческим» движением, направленным против «военного коммунизма» (Махно, Антонов и др.). С другой стороны, при помощи сил Красной Армии завершается процесс «советизации» национальных окраин – Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока. Следует особо подчеркнуть, что в конечном итоге военные успехи большевиков и преодоление политического кризиса весны 1921 г. в значительной степени были обусловлены осознанием опасности продолжения «военного коммунизма» и переходом к новому социально-экономическому курсу (см. Данилин, Евсеева, Карпенко 2003, с. 56, 58, 65, 68, 78, 86).

3. Попытки поиска «третьего пути». Причины исторической несостоятельности «третьей силы» в условиях вооруженного противостояния «красных» и «белых»

Не ослабевает научный интерес к проблеме возможности выбора Россией в 1917 году «третьего пути» и перспектив прихода к власти «третьей силы». Действительно, в России 1917 года существовали политические течения, которые стремились избежать военной конфронтации и найти выход из кризиса власти посредством коалиции социал-демократического блока и демократических реформ. **«Третий путь»** предлагали меньшевики и эсеры. Под **«третьей силой»** принято понимать в широком смысле движение среднего крестьянства, составившего к концу 1918 г. (после реализации передела земли и собственности по декрету о земле) большую часть населения российской деревни.

Выбор **«третьего пути»** развития России для историков ассоциируется с анализом возможности создания до октября 1917 г. политического блока из бывших союзников большевиков по «социал-демократическому лагерю» – партий эсеров и меньшевиков. Важно отметить, что база для такого блока в России имела: и те, и другие признавали власть Советов, были приверженцами социалистического вектора развития страны и имели общее (до февраля 1917 г.) политическое прошлое.

Программы эсеров и меньшевиков казались разумными и вполне демократическими. Однако, по мнению значительной части исследователей, «третий путь» был невозможен в России по нескольким причинам. Меньшевики и эсеры, главные приверженцы и проводники идеи «третьего пути», не устраивали ни большевиков, ни «лагерь контрреволюции». И самое главное – они не получили массовой поддержки у народа (см., напр., Поляков 1994, с. 51–52).

Существует и другая сторона этой проблемы, а именно – поиск ответа на вопрос о возможности достижения политического компромисса через создание коалиции между эсерами, меньшевиками и большевиками уже после захвата власти последними. Создание такого блока значительно усилило бы позиции Советов и сделало Гражданскую войну менее продолжительной и кровавой.

Современные исследователи сходятся в оценке, что предпосылки для политического компромисса в рядах социал-демократического лагеря сложились в конце лета 1917 г.

После разгрома А. Г. Корнилова под Петроградом в августе 1917 г. делегации эсеров и меньшевиков в Петросовете объявили об отказе от сотрудничества с кадетами. Таким образом, у В. И. Ленина появлялась реальная возможность создания «социал-демократической коалиции». И действительно, он пишет статью «О компромиссах», где указывает, что эсеры и меньшевики могут создать социалистическое правительство, ответственное перед Петросоветом, а большевики, не входя в него, откажутся от «революционных» методов борьбы за переход власти к пролетариату и беднейшему крестьянству вплоть до решений Учредительного собрания. Однако интриги А. Ф. Керенского и двойственная, в основе своей враждебная большевикам, позиция лидеров эсеров и меньшевиков на открывшемся Демократическом совещании в сентябре 1917 г., а также непримиримость В. И. Ленина похоронили эту возможность.

Уже после захвата власти большевиками лидеры и основной партийный контингент эсеров и меньшевиков продолжали позиционировать свою приверженность так называемой «учредительской» демократии. Они активно противодействовали созданию однопартийного большевистского СНК, являлись инициаторами ультиматума ВИКЖЕЛя по формированию в России «однородного социалистического правительства», активно выступали за созыв Учредительного собрания, противились переговорам о заключении Брестского мира.

Однако взятый большевиками курс на создание однопартийной политической системы под лозунгом «диктатуры пролетариата» окончательно оттолкнул от большевиков социалистические партии и демократические общественные объединения, сложившиеся к 1917 году. В результате эсеры и меньшевики стали основой так называемой **«демократической контрреволюции»**. Лидеры и основной состав правоцентристского контингента эсеров и меньшевиков перешли к открытому военному противостоянию с силами «красных» и примкнули к белому движению. Выступление Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. консолидировало все антибольшевистские силы, в том числе и силы «демократической контрреволюции». В Самаре под руководством эсера В. Вольского был сформирован Комитет членов Учредительного собрания (КомУч); в Омске возникло временное Сибирское правительство во главе с П. Вологодским, в Архангельске – Верховное правительство Северной области во главе с Н. Чайковским. Однако установление осенью 1918 г. в Омске военной диктатуры адмирала А. В. Колчака привело к расколу и дезорганизации эсерово-меньшевистских лидеров и «демократическая контрреволюция» как «третий путь» России окончательно потеряла сколько-нибудь значимое политическое влияние.

Кроме главных противоборствующих сторон – «красных» и «белых», а также сил «демократической контрреволюции», отстаивавшей идею «третьего пути», в Гражданской войне в России действовала и т. н. **«третья сила»**, важнейшей составляющей которой являлось среднее крестьянство и казачество. Иногда отряды «третьей силы» характеризовали как движение «зеленых». Позже это название стало общим для всех военизированных повстанческих отрядов.

Действия «третьей силы» на различных этапах Гражданской войны были различны, а роль – неоднозначна. Отряды повстанцев действовали как в «белом», так и в «красном» тылу по принципу партизанских отрядов, вступая во временные союзы то с «белыми», то с «красными». Наиболее яркими представителями такой «третьей силы» в годы Гражданской войны стало крестьянское движение на юго-востоке Украины под руководством Н. И. Махно, идейно примыкавшее к анархистам (объединяло до 30 тыс. чел.); крестьянское восстание в Тамбовской губернии, которое возглавил эсер А. С. Антонов (до 50 тыс. чел.); крестьянская армия в Западной Сибири под руководством В. А. Родина (до 100 тыс. чел.) и др. (см. Карпенко 2004, с. 47, 75).

Советская историография однозначно рассматривала «зеленых» как обыкновенных бандитов, а их «незаконные бандформирования» – как элемент, подлежащий уничтожению регулярными силами РККА.

В постсоветский период оценки «зеленых» были смягчены. Сегодня действия «зеленых» квалифицируются историками как своеобразная попытка создать на контролируемой ими территории свободную (и от «белых», и от «красных») самоуправляющуюся зону без

реквизиций и продразверстки. Отличительной чертой движения «зеленых» было отсутствие единого центра управления. Это и понятно, поскольку большая их часть идейно примыкала к анархизму, то есть выступала против любой власти. Движение «зеленых», то есть «третьей силы», было окончательно и весьма жестко подавлено большевиками к концу Гражданской войны.

4. Причины Гражданской войны в России. Историческая «вина» политических сил за развязывание Гражданской войны

Трудно, а с нашей точки зрения, и невозможно дать однозначный ответ на вопрос, почему русское общество после Октября 1917 г. начинает разделяться на «красных» и «белых», или на «революционеров» и «контрреволюционеров», и кто виноват в развязывании кровопролитной Гражданской войны в России.

Обобщая в несколько упрощенном виде точку зрения отечественных исследователей (опираясь главным образом на анализ Ю. А. Полякова), можно выделить следующие основные причины Гражданской войны.

1. Это прежде всего глубинные и непримиримые противоречия внутри властных структур, а также глубокий разрыв между властью и обществом в Российской империи, резко обострившиеся в связи с Мировой войной и достигшие своего апогея к 1917 году.

2. Вооруженный переворот, организованный большевиками в октябре 1917 г., разгон Учредительного собрания, подписание Брест-Литовского мирного договора, а также насильственный передел собственности в масштабах страны спровоцировали ожесточенное сопротивление не только свергнутых классов, но и международного капитала в лице вооруженных контингентов Антанты.

3. Все более накалявшаяся военно-политическая ситуация заставила большевистское руководство развертывать мероприятия «военного коммунизма», опираясь на методы законодательно закрепленного «красного террора», что, в свою очередь, вело к массовому вооруженному сопротивлению крестьянства, составлявшего более 80% населения страны.

4. Нежелание, а позже – и невозможность руководства большевиков идти на политические компромиссы, исходя из провозглашенного Лениным и Троцким лозунга (и цели) «превращения войны империалистической в войну гражданскую». (Поляков 1994, с. 54).

Общий вывод неутешителен: стремление большевиков насильственным путем прийти и удержаться у власти, установив однопартийную диктатуру, построить в России социалистическое общество, исходя исключительно из собственных теоретических установок, обусловленных собственными политическими целями, вызвало ожесточенное сопротивление достаточно широкого круга их политических противников. А это, в свою очередь, сделало Гражданскую войну не только неизбежной, но и широкомасштабной и кровопролитной.

Говоря о степени «исторической вины» за развязывание и масштабы Гражданской войны в России, нельзя дать однозначного ответа. Более 70-ти лет этот вопрос рассматривался то с позиции «победителей», то с точки зрения «побежденных». Обе стороны страдали идеологической ангажированностью.

Важной частью большевистской пропаганды и позже – трудов большей части советских историков было утверждение, что в трагедии Гражданской войны виновны исключительно противники большевиков. Вместе с тем непредвзятое исследование данной проблемы легко опровергает этот тезис. Так, Ленин призывал к развертыванию Гражданской войны в своих выступлениях и трудах и в 1908 г., и в 1914 г., и в 1917 г. (Ленин 1973, с. 453; 1969а, с. 32; 1969b, с. 321; 1974, с. 475). Вслед за вождем обоснование необходимости «революционного насилия» формулировали и его видные соратники.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г., несомненно, был актом Гражданской войны. Однако наиболее активная часть «революционных масс», полностью поддержавших большевиков в 1917 – первой половине 1918 гг., составляла не более 5–10% самодеятельного населения России. Для утверждения у власти однопартийной диктатуры этого было явно недостаточно. Но численно значительно пополнили ряды сторонников большевиков выдвинутые их лидерами лозунги «Экспроприация экспроприаторов» и «Кто был ничем, тот станет всем». Зачастую это были люмпенизированные, а порою и уголовные элементы общества. Эти лозунги, вкупе с выдвинутым большевиками обещанием предоставить нациям право на «самоопределение вплоть до государственного отделения», привлекли на их сторону (в качестве временных попутчиков) и представителей национальных меньшинств бывшей Российской империи.

Таким образом, историческая «вина» большевиков в развязывании Гражданской войны, с одной стороны, была обусловлена радикальной идеологией марксизма, краеугольным камнем которой, как известно, является вооруженное насилие, «классовая борьба», а также позицией Ленина, отвергавшего общественный компромисс и делавшего ставку на силовое принуждение. С другой стороны, расширение «красного террора», определялось конкретными экономическими, социальными и военно-политическими условиями, сложившимися в стране.

Нельзя снимать историческую ответственность за развязывание Гражданской войны в её невиданных масштабах и с противников большевиков. Ведь раскол российского общества не смогли остановить ни беспомощная царская власть, ни тем более пришедшая ей на смену в феврале 1917 г. «либеральная демократия» в лице Временного правительства и эсеров-меньшевистского руководства Петросовета.

Ожесточенное сопротивление свергнутых политических сил, широко применявших «белый террор», также способствовало расширению контингента активных участников Гражданской войны.

В конечном итоге, в кровопролитных событиях 1917–1922 гг. в России с одинаковой степенью ожесточения были задействованы и силы «красных», и «белых», и «зеленых», и национальных окраин, то есть основная часть народа.

Библиография

Гражданская война в России: перекресток мнений. 1994. М.: Наука.

Данилин, А. Б., Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко. *Гражданская война в России (1917–1922 гг.). В кн. История России. XX век: лекции и учебно-методические материалы.* М.: Изд-во Ипполитова, 2003.

- Игрицкий, Ю. И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления. В кн. *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М.: Наука, 1994.
- Карпенко С. В. Гражданская война в России (1917–1922 гг.). В кн. *История России, 1914–1922: учебно-методический модуль*. М.: Изд-во Ипполитова, 2004.
- Поляков, Ю. А. Гражданская война: начало и эскалация. В кн. *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М.: Наука, 1994.
- Троцкий, Л. Д. 1924. *Вопросы гражданской войны*. Л.
- Ленин, В. И. 1974. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы.
- Ленин, В. И. 1973. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 16. М.: Изд-во политической литературы.
- Ленин, В. И. 1969a. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 26. М.: М.: Изд-во политической литературы.
- Ленин, В. И. 1969b. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 34. М.: М.: Изд-во политической литературы.

References

- Grazhdanskaia voina v Rossii: perekrestok mnenii* [The Civil War in Russia: The Intersection of Views]. 1994. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Danilin, A. B., E. N. Evseeva, S. V. Karpenko. "Grazhdanskaia voina v Rossii (1917–1922 gg.)" [The Civil War in Russia of 1917–1922]. In *Istoriia Rossii. XX vek: lektsii i uchebno-metodicheskie materialy* [History of Russia in the Twentieth Century: Lectures and Tutorials]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2003. (In Russian)
- Igritskii, Iu. I. "Grazhdanskaia voina v Rossii: imperativy i orientiry pereosmysleniia" [The Civil War in Russia: Reasons for Reassessment]. In *Grazhdanskaia voina v Rossii: perekrestok mnenii* [The Civil War in Russia: The Intersection of Views]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)
- Karpenko S. V. "Grazhdanskaia voina v Rossii (1917–1922 gg.)" [The Civil War in Russia of 1917–1922]. In *Istoriia Rossii, 1914–1922: uchebno-metodicheskii modul'* [History of Russia in 1914–1922: A Study Module]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2004. (In Russian)
- Poliakov, Iu. A. "Grazhdanskaia voina: nachalo i eskalatsiia" [The Civil War in Russia: The Start and Escalaion]. In *Grazhdanskaia voina v Rossii: perekrestok mnenii* [The Civil War in Russia: The Intersection of Views]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)
- Trotskii, L. D. 1924. *Voprosy grazhdanskoi voiny* [Questions of the Civil War]. Leningrad. (In Russian)
- Lenin, V. I. 1974. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th edition. Vol. 36. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Lenin, V. I. 1973. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th edition. Vol. 16. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Lenin, V. I. 1969a. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th edition. Vol. 26. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Lenin, V. I. 1969b. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th edition. Vol. 34. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian)